История и жизнь в письмах

Хинка (Нина) Коган (Спивак), 1994-2008,
письма из Цур-Шалома, Израиль в Ньютон, США

Не помню точно как пришла в голову идея просить маму описывать различные эпизоды её жизни, начиная с Галац и Каушан, времён Бессарабии до войны и во время войны, эвакуации. Интересно было узнать о родителях и родственниках, о том чем они занимались, как зарабатывали на жизнь, чем увлекались и как отдыхали. Здесь собраны эпизоды из писем с 1994 до 2004 года. В некоторых местах я добавил комментарии в скобках, (*Фима:*) а в остальном это всё из маминых писем к нам. Некоторые эпизоды я читал вслух моей семье.

Фима Коган, Ньютон, США, ноябрь 2004

Про родителей – Лёву Спивак и Фаню Спивак (Хаимович)

Моя мама родилась в местечке Тарутино, недалеко от Каушан. Отец же жил в Каушанах и работал там с 14 лет в магазине, учился на кассе. Мама была в каком-то родстве с моим отцом, она была очень красивая и првлекательная девушка. С отцом они ухаживались 5 лет, и в 1920 году поженились. После женитьбы они жили в Тарутино, где родились мой брат Иосиф и я. Потом все мы переехали в Галац, где папа работал в магазине у маминых двоюродных братьев, торговавших галантереей и игрушками. Помню, когда прибывали новые игрушки, то, даже с маленьким браком, их раздавали служащим. Так у меня собралась целая куча игрушек “инвалидов”.

Местечки вокруг

Когда я говорила с тобой по телефону, ты мне рассказал про Каушаны *(Фима: это после получения карт Бессарабии из Библиотеки Конгресса США. Смотрите карты Каушан ниже.)*, мне показалось, что я рядом и все эти сёла и местечки мне знакомы… В базарный день люди приезжали ото всюду, с маленьких и больших мест вокруг, покупать и продавать, что им нужно было. Из сёл вокруг была я только в селе Заим – там на вокзале жил родственник моей мамы и я там гостила пару дней. Помню, что мне там было очень скучно, потому, что рядом не было детей.

Тарутино

Местечко Тарутино находилось недалеко от Каушан, примерно 60-70 километров. Это была когда-то немецкая колония и там, в основном, жили немцы и также украинцы. При Советской власти это часть Бессарабии перешла к Одесской области, Украины. Кстати, моя мама (*Фаня Спивак*) свободно говорила по немецки, и также по русски. Тарутино я совсем не знаю. Один раз, проезжая мимо из Галац, папа мне сказал, что я там родилась.

Галац

Галац я помню хорошо, мне было уже 9 лет когда мы оттуда уехали в 1932 году. Это был большой порт на Дунае. Мы жили сначала на улице Эминеску (это фамилия известного румынского поэта) №26. Улица была гористая, и мы катались зимой по ней на санках. У нас были две комнаты и кухня отдельно во дворе. Там родился Изя в 1928 году. Потом мы переехали по той же улице, немного выше №62, где и жили до отъезда. Помню главную улицу в Галацах - Домняска и большой памятник Костаки Негру, он, видимо, был воевода. Я училась в школе, когда король Карл II приезжал в Галац и все школьники встречали его. С ним также был его сын Михай.

В то время мамины родители Хаим и Голда тоже жили в Галацах и с ними жила мать Голды, моя прабабушка Шейва. Дед Хаим работал со скотом, то есть что-то покупал, что-то продавал. Когда то они жили в Монзыр, недалеко от Каушан, но там я ни разу не была. Я считаю свою детскую и юношескую родину Каушаны, а после замужества – Кишинёв…

Эпизод с моей мамой Фаней

… Мама была очень добрая. Жили они небогато.. но мама никогда не жаловалась на жизнь. Помню один случай. В Галацах у нас были соседи – муж, жена и две дочки. Дочери были взрослые и имели женихов. Был Пурим и у нас в этот день проходили маскарадные балы. Эти девочки взяли напрокат костюмы: один цыганский, другой турецкий. У одной из них было пальто, а у другой не было. Так моя мама одолжила своё единственное пальто и девочки пошли на бал. Так как у них не было денег, то они попросили каких-то мальчиков присмотреть за пальто. Натанцевались, и когда пришли за пальто, тех мальчиков и след простыл. Так моя мама осталась без верхней одежды и смогла сшить себе пальто только когда мы переехали в Каушаны.

Как родился Изя – 1928 год

…Я помню очень хорошо, как родился Изя. Это было в Галацах и мне тогда было 5 лет. Ему сделали “кришмелейнэм” – еврейский обряд - традиция, когда рождается мальчик, то за день до Брит Милы (обрезания), собирают детей родных и знакомых на праздник и дарят детям подарки «торбалэх» – кулёчки из разноцветных бумаг с конфетами, яблоками и мандаринами. Меня как раз до начала праздника послали с нашей девочкой-прислугой к резнику, чтобы тот зарезал несколько кур… Так когда мы пришли домой, то эта церемония уже заканчивалась. Я очень плакала - почему меня не подождали.

Каушаны

В Каушанах жило много евреев. Точно сколько - не знаю, но думаю от 5000 до 7000. У нас было 5 синагог. Мой отей и дед ходили в “Шнайдерскую” - портновскую. Они не были портными, просто синагога была через дорогу от нас. Моя мама хорошо читала молитвенник и могла переводить. По праздникам она

читала в синагоге молитвы среди женщин. У нас ещё были Новая, Старая, Сионистская синагоги, а пятую как называли не помню. Все синагоги были не большие, с небогатым убранством, но везде были свитки торы, и всегда там было чисто. Женщины, конечно, сидели отдельно от мужчин. Перед каждым праздником прихожане вносили посильную сумму денег на нужды синагоги.

Мы жили в Новых Каушанах, а старые находились за церковью, которая разделяла город. В Старых Каушанах жило больше молдаван, а в Новых – наш брат.

Моя учёба

В Галацах я закончила 1ый и 2ой классы начальной школы. Кстати школа была №9, как и у вас *(Фима: в Кишинёве я учился 8 лет в школе №9, с 1960-1968, а также там учились мой брат Мирон, Дима и Мирон Тисменецкие)*. По приезде в Каушаны я пошла в 3-ий класс. После окончания четырёх классов пошла в гимназию. У нас тогда была общая гимназия для мальчиков и девочек. Предметы были такие же, как в русских (советских) школах, плюс два иностранных языка: французский, латинский и ещё религия.

Директором в гимназии был Черненко, очень суровый человек, я не помню на его лице улыбки, но справедливый. Все гимазисты его боялись. Мы имели право гулять вечерам до 8 часов, когда же директор выходил на проверку, у нас, как по беспроводному телефону, проходила молва “директор идёт” и всех нас как ветром сдувало по домам. С моего второго класа *(1935-36)* гимназии директором стал Липкан, человек более общительный и он поддерживал хорошие отношения с учениками.

Была у меня учительница по румынскому языку Лидия Жиреге; она была очень красивая, с длинной косой. Меня очень любила и подарила мне своё фото на память, где было написано: “Сердечный знак моей ученице Спивак от Лидии Жиреги, 30 октября, 1935 г.”

Та самая фотография -
Лидия Жиреге, 30 октября 1935 г.

Был ещё у нас учитель по музыке по фамилии Морошану. Над этим мы уже издевались, как могли. Также мы учили религию, евреи - с равином по фамилии Юсим. Он был интеллигентный человек, но ходил ужасно неопрятно одет. И это был повод, чтобы мы над ним подтрунивали. А у молдован был поп, но тот уже был красавец, все девочки заглядывались на него. Он был высокий, стройный, с красивой причёской… фамилию забыла. У попа, правда, было мало учеников, в

гимназии учились 80% евреев.

Когда я училась в третьем классе, наша гимназия стала получастной, тоесть половину денег давало государство, а другую - наши родители. Плата было очень большая и стало трудно учиться. На наших экзаменах присутствовали учителя из государственных лицеев. По математике приехал к нам директор мужской гимназии из Бендер, некий Болдыр. У него занимался мой дядя Борис (папин брат). Он был арестован в 1933 году за “коммунизм”. Когда он узнал мою фамилию, то поинтересовался Борис не родственник ли мне. Я, конечно, растерялась и призналась, что это мой дядя. Тот тогда меня мучил на экзамене пол часа подряд, пока один родитель, который был в комиссии, не сказал, что “хватит её мучить…”

1937 год, Гимназия, Каушаны
Хинка Коган (Спивак) (3 класс) – сидит во втором ряду вторая слева.
Бума Коган (4 класс) сидит в первом ряду первый справа.
В центре -директор Липкан, учитель физики Цукман.

Справа от **Хинки Коган** сидит **Сара Хибрих**, слева – **Бася Львович**, обе погибли во время войны. Ещё на фото – **Нёма Коган**, **Удель Блитштейн**, погибла в войну (сестра **Пети Блитштейн**-жена **Соня**, дети **Миша** и **Алик** живут в Лос-Анжелесе). Смотрите Листы свидетельских показаний, Яд Вашем, Иерусалим, написанные **Лёвой Брутером**, двоюродным братом, племянницой и другими в конце этих воспоминаний.

В 4-ом классе гимназии директором был фашист (о котором я уже писала), но тот не был долго, потому что гимназия закрылась и четвёртый класс я уже кончила в другом местечке - Волонтировка. После этого у меня не было возможности учиться и я осталась дома до 1940, когда нас “освободила” советская армия. В то время я почти совершенно не знала русский язык, немного понимала. Так было и с другими учениками. Поэтому всем ученикам сняли по два класса и я вместо 9-го пошла в 7-ой класс. Мне тогда было уже 17 лет. Проучилась один год и началась война. После возвращения из эвакуации было не до учёбы, а в 1946 году я вышла замуж и переехала в Кишинёв. Так и закончились мои университеты.

Шлойме Спивак едет за океан…

В 1904 году Шлойме Спивак вместе с первым мужем Пессе Бронштейн (Левит) уехали в Америку (или в Аргентину) от Русско-Японской войны. Шлойме через полгода вернулся, как говорят, потому что не хотел работать по субботам. Бронштейн был портным, работал на фабрике, видно и по субботам, разбогател и владел швейной фабрикой. Жену Пессю и двух детей оставил в Бессарабии. Через некоторое время послал развод и в 1907 году женился и имел пять дочерей. В 1928-29 году послал вызов сыну Меиру из Аргентины и тот едет к отцу. В 1931 Меир возвращается в Бессарабию жениться. После возвращается в Аргентину, вскоре перебирается в Чили. Видимо Меир не мог простить отцу, что тот бросил и развёлся с матерью. Меир гостил в Кишинёве в 1968 году. В один день явилась к Меиру сестра (дочь отца) и передала, что отец при смерти, и что отец признаёт Меира его наследником также как и своих дочерей. Меир поехал к отцу, помирился с отцом, получил наследство в 50000 долларов и построил мебельную фабрику на эти деньги в Сантьяго, Чили.

Про маму – Фаню Спивак (Хаимович) и всех нас.

В 1928 году родился Изя. Где-то в 1929-30 году был кризис и большая безработица, и магазин, где папа работал, закрылся-обанкротился. Папа остался без работы. На деньги, которые ему выдали, он с напарником Моней Лемберг купили грузовую машину “Форд” и стали возить товары из Галац в Каушаны. Материально нам было очень трудно.

Как я уже писала, у меня был брат Иосиф. Он был очень способный мальчик, поступил в коммерческую гимназию. Но вдруг у него случился приступ аппендицита, и он умирает в возрасте 11 лет в 1932 году. Моя мама очень тяжело переживала эту потерю и после этого долго болела. Она впала в депресию. Одна соседка, её подруга, ухаживала за ней и вывела её из этого состояния.

В 1933 году папе предложили работу (4000 лей в месяц) в большом мануфактурном магазине в Каушанах. Он согласился и мы переехали в Каушаны. Мой дедушка со стороны отца - Шлойме Спивак дал нам квартиру у себя во дворе. В Галацах у нас остались Фанина мать Голда Хаимович (Срулевич), моя бабушка и отец Хаим Хаимович, мой дед, и ещё мамина бабушка Шейва Срулевич (мать Голды), моя прабабушка.

Переезжать и привыкать нам было очень трудно: Галац был большой портовый город на Дунае, а Каушаны небольшое местечко. Там зимой была непролазная грязь, а летом пыль, но пришлось привыкать к новой жизни. И ещё, кроме румынского языка я ничего не знала.

Через год мой дедушка умер и мама поехала в Галац и забрала свою маму и бабушку к нам в Каушаны, ибо у них в Галацах никого не оставалось. После этого моего отца звали “Лёва с двумя тёщами”. Моя бабушка Голда получила инсульт и маме пришлось с ней возиться – поднимать, помогать ей, и у мамы сдало сердце. К этому времени мы нашли бабушкиного двоюродного брата Срула Срулевич (один из 12 детей Шейвы) в Шанхае, куда он уехал в 1918 году. И он нам начал помогать – высылал доллары. Доллар тогда стоял очень высоко – за 1 давали 500 лей. Вот на эти деньги мы и начали маму лечить. Первый раз она поехала на курорт Ватра-

Дорней – это в Карпатах, где есть углекислые ванны специально для сердца, второй раз она взяла Изю с собой, а в третий раз в 1939 году поехала я с ней. У мамы ещё прибавились боли по женскому и начались кровотечения. Это случилось в Ватра-Дорней и врач мне сказал: “Бери мать и уезжай домой…” – прекратили всякое лечение, побыли до конца месяца и уехали.

Хинка Спивак и **Шейва Керцман** (справа) – дочь хозяина магазина, где работал Лёва Спивак.
14 августа, 1939, Ватра-Дорней, Румыния

К этому времени моя бабушка Голда уже умерла (1937) и осталась прабабушка Шейва. Тогда мы уже имели прислугу и маме было полегче, но состояние здоровья становилось всё хуже.

Благодаря деньгам из Шанхая мы смогли положить маму в больницу в Кишинёве в марте 1940 года, где я была всё время с ней. Лечение стоило 400 лей в день. Пробыли там 13 дней, но ничего не смогли сделать. Собрался консилиум из четырёх врачей и сказали, что нужна операция, но врач кардиолог был уверен, что мать не выдержит, и мы уехали домой. Как известно, в июне 40 года к нам пришли Советы и все магазины закрылись, но мой папа нашёл работу в яйце-птице-пром.

Мама понимала, что с ней плохо и несколько раз пыталась покончить с собой. Один раз она выбежала из дома и хотела броситься в колодец, недалеко от нас. Папин друг шёл на обед домой и узнал её, она была уже близко от колодца. Тот начал кричать и мама остановилась. Мы всё время за ней следили.

Даже в таком состоянии она всё-же была очень красивая женщина. В конце уже жила на одних наркотиках – пантопон, который успокаивал ей боли. Она умерла 6 ноября 1940 года в возрасте 44 лет (тогда проходили первые ноябрьские праздники в Каушанах). Когда кончилась война, я поехала на кладбище в Каушаны, но ничего не нашла – кладбище было разрушено. Вот такая печальная история, которую ты захотел узнать.

Ещё о Шейве Срулевич

В свои 100 лет Шейва была при полном сознании и узнавала людей, которых не видела по 40-50 лет. Так один раз она вышла к воротам и смотрела кто проходит. Шёл человек, кого она не видела очень давно. Она ему говорит: «Бералэ, что не узнал бабушку Шейву?» Он остолбенел и не мог поверить, что

Шейва его узнала. Он жил в 20 километрах в Монзыре, так, после этого прислал ей подарок целую канистру подсолнечного масла.

Один раз она видимо потеряла рассудок и ночью захотела выйти на улицу, говорит, что там на улице бегают какие-то «жижелех», вроде чёртиков. Мой папа загородил проход столом и стульями, но она каким-то образом смогла всё сбросить и выйти. Она говорила, что на улице темно и там бродят эти «жижелех». Никакие уговоры не помогали, и в конце концов папа разбудил своего отца и они как-то связали Шейву и она заснула. На утро пришёл врач и обнадёжил, что это пройдёт. Собственно так оно и было. Шейва опять узнавала людей и всё понимала. Один раз, говорит нашей прислуге (та её купала): «Почему моя косынка не накрахмалена? Ты, что жалеешь крахмал?»

Чтобы зайти в наш дом надо было подняться на пять-шесть ступенек без всяких опор. Шейва всегда сама поднималась и спускалась по этим ступенькам, пока однажды не упала и не разбила себе бедро. Врач сказал, что она больше ходить не будет, но жить будет, ибо у неё очень хорошее сердце.

Ко мне приходили мои друзья и они любили заигрывать с Шейвой. Они её спрашивали: «Бабушка сколько тебе лет?» Она отвечала: « Сколько хочешь, 60-70, или пусть будет 80 или 90.» Так Шейва прожила до февраля 1941 и умерла в 104 года.

О том как выходила замуж небогатая девушка

У моего отца была сестра Эстер, очень красивая и интересная девушка. Она была гордая и из всех кавалеров, которые за ней ухаживали, никто ей не нравился. Был один, тоже по фамилии Спивак, который из-за неё вынужден был уехать из Каушан. Время шло, она замуж не выходила, ей уже было около 30-ти лет. И вот через “шотхена” её познакомили с парнем из другого местечка Петровка в 35 км от нас. Но этот парень хотел приданное...

У моего деда был дом на улице и три квартиры во дворе, так дед обещал жениху жильё во дворе и ещё 20000 лей. Но эти деньги надо было ещё иметь. Мой отец, брат невесты, взял ссуду на 10000 лей, и больше не давали, но ещё 10 тысяч не было. И вот за день до помолвки мы получаем первое письмо из Китая от маминого дяди (я о них уже писала). Прямо в письме было 10 долларов, а тогда был по 500 лей доллар, что составляло 5000 лей. Папа, конечно, эти деньги сразу же положил для приданного. Приходит день помолвки, стол уже накрыт, невеста одета, а жених не идёт… не хватает 5000 лей. Тогда невеста, тётя Эстер и говорит: ”Я чувствую, что-то тут происходит. Знайте, если я уйду и сниму платье, то всё – больше не надену!” Жених был в каком-то родстве с хозяином магазина, где работал мой отец и отец пошёл к хозяину и попросил чтобы тот одолжил ему 5000 лей или чтобы тот был гарантом. Хозяин согласился, все гости собрались и “сделка” состоялась. Жениха звали Борис Шафир. Они потом венчались в Кишинёве и Эстер уехала к нему в Петровку. Через год она родила сына Моню. Во время войны Эстер эвакуировалась с родными мужа. Она умерла в Гурьеве от воспаления лёгких в возрасте 45 лет. Мужа забрали в трудовую армию, а Моня остался с родными отца. После войны Моня жил у тёти Бети пока приехал отец. Борис женился и вскоре взял мальчика к себе. Где-то в конце семидесятых они все

уехали в Израиль. Борис Шафир тут и умер, а сын Моня живёт в Беер-Шеве. Он нам звонил один раз, ещё когда папа жил. Больше о нём ничего не знаю. Вот такая история произошла и ещё много таких же происходило с девушками без приданного.

О том как давали имена…

На счёт того, что ты пишешь об именах, то ты правильно написал обо мне и о себе. *(Фима: Меня назвали в честь маминого деда Хаима и маминой мамы Фани, а маму назвали в честь Хинки Левит, бабушки Лейба Спивак со стороны матери).*

У дяди Изи другая история с именем. У моей мамы была двоюродная сестра (родство точно не знаю) Бася Фишман. Её муж погиб при несчастном случае и она просила дать его имя - Исаак. Так назвали Изю. У Баси Фишман была дочь Сара и они обе погибли во время войны.

Седер на Пейсах

Папа мой был атеист и сам седера никогда не проводил, но мы ходили на седер к дедушке Шлойме. Мы жили у деда во дворе. Я помню как дед сидел на подушке, стол накрыт, конечно, белой скатертью и на столе лежали моца, стаканы и тарелки, но без еды. Дед молился и мой отец ему помогал, а мы сидели голодные и ждали когда-же уже дадут кушать. Дед прятал моцу и кто-то должен был обязательно её найти и просить выкуп. Мы уже чуть не засыпали, когда дед разрешал бабушке Шейве подавать на стол. Тут, конечно, была и фаршированная рыба, бульон с курицей, бабки из мацы, в общем всё, что положено на пасху. Я помню, что меня до седера посылали к рабину за “харойсет”. Это было, что-то съестное, но я не помню точно что. Потом этот “харойсет” дед ел с мацой. Моя мама была религиозная и потому у нас была специальная пасхальная посуда, что лежала в ящиках на чердаке и за несколько дней до пасхи её снимали, мыли, а обычную посуду прятали. Хлеба, конечно, не было, но мама делала разные вкусные вещи из мацы. Еврейские магазины первые два дня были закрыты, а дальше работали. Вот, что я помню про наш седер. Когда я вышла замуж, мы седер не проводили, но у нас была моца и вечером на пасху приходили к нам обычно Тисменецкие, бабушка Элька. Хлеб мы в тот вечер тоже не ели, посуды пасхальной у нас не было.

О Буме и чем мы занимались в юношестве

Я уже тебе писала, что мы учились вместе, но твой папа Бума был на класс старше меня. Он учился отлично и после окончания 4-х классов гимназии поехал учиться в коммерческую гимназию в Бендерах. Сначала Бума и ребята с его класса, гуляли с девочками с их класса, но потом девочки отошли к ребятам постарше, и вот они решели “прицепиться” к нашему классу. В один день мой отец принёс мне открытку, где

четверо парней хотят с нами гулять. И подписано было

БЛОК –
Брутер Срул, погиб в 1941 в Одессе
Липканский Арон,
Очаковский Ирихем,
Коган Бума. 1938 год

Почему открытка попала ко мне - не знаю. Правда, меня считали "головой" класса. После этого у нас стала одна компания. Мы хорошо проводили время, организовывали "литературные суды" над книгами, где выбирали обвинителей, защитников и судей. Было очень интересно. Позже, в 1938 – 39 году я перешла к левым, конечно, не только я. Папа у нас был самый тихий, длиный и худой. После войны он так изменился, что я его еле узнала. О том как мы начали ухаживаться я уже писала. (*смотрите дальше).* Хочу добавить, что Бума был очень хороший человек, мы очень любили и уважали друг друга. Он был прекрасным мужем, отцом и сыном. Он был, как говорят, для Бога и для людей – чужие люди его уважали.

Учёба и награда Бумы Когана

Папа – Бума закончил коммерческую гимназию с золотой медалью и получил награду от короля Румынии. О награде я знаю только по рассказам: он получил 7 книг, но какие точно, не знаю. Поехать же в Бухарест он собирался, так как там жили братья его отца – Леон и, кажется, Борис тоже. Но зашли "Советы" (июнь 1940 год) и его родственники из Бухареста переехали сюда, т.е. в Бессарабию (где они жили я не знаю). Так и закончилась история папиной награды от короля Румынии…

Кто мог учиться в еврейских семьях до войны

У нас не было правила, что мальчики учились, а девочки нет. Так тётя Мара (папина сестра) училась в коммерческой гимназии вместе с папой и они жили на одной квартире в Бендерах. Их родители могли содержать в Бендерах, а мои меня не могли. Изя же мой, тоже проучился один класс в той же гимназии, что и папа. Учились все те, кто имели деньги. Обычно, после окончания гимназии должны были сдать экзамен на бакалавра и потом можно было поступить в какой-то институт. Но в Кишинёве в то время ничего не было, и только можно было уехать в Яссы или Бухарест, попасть же туда еврею было очень не просто даже с бакалавром.

Кишинёв довоенный

Первый раз я поехала в Кишинёв в возрасте 12 лет с тётей Бетей (1935). Там жили Рухел Левит и Эршел (Герш) Левит брат моей бабушки Шейвы Спивак (Левит). Они жили на Старо-Базарной улице 18, это было недалеко от 9 школы.

Главная улица в Кишинёве была Ленина, тогда Александровская. Это была очень красивая улица с многочисленными магазинаим и нарядными витринами.

По улице ходили фаэтоны, запряжённые лошадьми, а по улице Армянской и Александровсой курсировали трамваи. Улица Пушкина, так и называлась, а дальше вниз были улицы Шмидта, Николаевская и к 9-ой школе – Екатериновская и потом Старо-Базарная.

Сумья **Левит**

1934

Сидят справо налево: **Энна Спивак (Левит), Эршл Левит, Стуня, Рухл, Давид Левит.** Стоят: **Давид Спивак** (муж Рухл), **Сима, Нюня Левит**

В Кишинёве были кинотеатры Одеон, Бируинца, Орфеум по Александровской и Коллизеум по улице Михайловской (позже называлась Подольская), угол Пушкина возле гимназии королевы Марии, потом там была школа №2. В этом Коллизее был кинотеатр, а между сеансами - театр оперетты. Я там видела и слушала Вертинского.

У нашего дяди Герша была пекарня. С улицы заходили в магазин, где лежали хлеба различных сортов, а во дворе хлеб пекли. У них был выезд, который развозил хлеб на окраины города. Помню, что сын дяди Герша Нюня брал меня с собой показать нижнюю часть города от Кагульской вниз – Азиатская и Рышкановка. От Александровской (Ленина) улицы вверх были в большинстве жилые дома, институтов при румынах не было. Были коммерческая гимназия, французская гимназия. мужская и женская гимназии.

После войны мы приехали в Кишинёв 17 сентября 1945 года. Я и Клара ходили по улицам и плакали. Александровская, которую сразу переименовали в Ленина, была совершенно разрушена – стояли одни коробки. Осталось одно целое здание с двумя львами на Ленина угол Синадивской, где позже был банк, а потом концертный зал. По всем улицам стояли лишь голые коробки разбитых домов. На

всей улице Ленина был один-два магазина. Город со временем стал восстанавливаться и стал таким, каким ты его знал.

1938

Это было в 1938 году. Я была в четвёртом классе гимназии (8 класс). Фашизм уже был во многих странах Европы и дошёл и до нас. В Румынии пришли к власти фашисты и директор нашей гимназии стал один из них. Гимназия у нас тогда была полу-частная, полу-государственная, поэтому надо было платить за учёбу вдвое больше прежнего. В нашем классе остались только 12 учеников, два молдаванина и остальные евреи. Однажды один день мальчик провинился и его оставили после уроков на два часа. Мы из солидарности остались с ним. Когда директор пришёл и увидел нас, спросил "почему мы здесь?" Мы ответили, что просто остались с ним. Так директор повернул этот поступок в политический. Он кричал: " Ах, так вы коммунисты! Вы все будете исключены." Мы, конечно, перепугались и изменили наши ответы, сказав, что этот мальчик просил нас остаться, так как у него болела голова. Директор всё-же нас исключил на неделю, предворительно допросил нас всех в отдельности, как преступников. За нас заступился председатель Родительского Комитета доктор Фельдман – это отец Ози Фельдмана, профессора из Москвы, которого ты знаешь. После этого нас приняли обратно, но вскоре по финансовым проблемам школу закрыли и остались мы за бортом. Все разъехались, кто куда, а некоторые совсем перестали заниматься. Я уехала в другое местечко – Волонтировка, что недалеко от Каушан. Как раз на Пурим, фашистская власть была сброшена – тут Советский Союз выдвинул ультиматум, что если Румыния не уберёт эту фашистскую партию, Союз войдёт в Бессарабию.

Так это тянулось до 1940 года, когда уже нас "освободили". Такая тревожная у нас была молодость, и это было здорово.

Арон Двойрин слева. 29 июня, 1940

Концерты в Каушанах

К нам приезжали многие еврейские артисты. Особенно помню Сиди Таль, очень известная певица, после войны работала в Черновицкой филармонии, а до войны приезжала к нам со своей труппой. Была ещё Тина Златая, Иосиф Камень или Каменев, не помню точно.

Еврейские-сионистские организации в Каушанах до 1940 года

Моя мама была общественницей, она была членом сионисткой организации “Керен – Касмес”. Они помогали бедным, собирали деньги для Палестины. Мама была сионисткой, но мне не мешала заниматься противоположными делами. Папа стоял за левых, но мне запрещал, боялся чтобы я не попалась.

У нас в Каушанах были три сионистские организации – Бетар, Маккаби и Тердания. Бетар мы называли “фашистами”, потому что они считали,что государство (Израиль) нужно взять только боем. Я же была Маккабисткой. Это была в основном спортивная организация. Мы также занимались два раза в неделю языком идиш. У нас были разные спортивные секции и художественная самодеятельность. И раз в два месяца у нас проходил бал. Немного выступали, потом танцы, игры и буфет. Один раз к нам приехала женщина из Палестины, она собирала деньги для страны и в её честь устроили бал. Мне дали выучить два стихотворения на идиш, но я ещё не знала в то время идиш, так мне написали текст румынскими буквами и я выучила наизусть и говорила с хорошим “еврейским” акцентом.” Эта женщина пожелала познакомиться с моей мамой и спросила её откуда я так хорошо говорю на идиш? На что мама ответила, что я даже не поняла, что говорила. Та удивилась и предложила, чтобы меня учили языку.

Время шло и где-то в 14-15 лет меня перетянули левые и я ушла из Маккаби и начала заниматься “левыми” делами, так сказать “подпольными”, и занималась, как потом выяснилось, глупостями. Это уже был другой период в моей молодости. Папа в Маккаби не был. С ним я познакомилась уже в гимназии.

Подруги.

Хинка Коган (Спивак) справа, **Роза Двойрина** слева крайняя, **Бася Львович**, **Сара Гибрих** и **Циля Литигевет**
1937(38)

Ещё один эпизод из моей “левой” жизни. Я читала нелегальную литературу, но у нас в Каушанах не так её много было. Поэтому мне книги посылал один друг из Бендер. И вот в одно воскресенье приходит человек, который возил людей и посылки/пакеты из Бендер, отдаёт мне пакет и записку. Мой друг посчитал, что моего отца дома не будет, так как он работал обычно по

Подруги. 30 годы.
Хинка Коган (слева), **Бася Львович и Сара Гибрих,** обе погибли во время войны.

воскресеньям. Но так случилось, что в этот день отец задержался и видел что мне принесли. Я быстро прочитала записку: “Если будут неприятности, отнеси книги кому находишь нужным”. Я тут-же начала рвать записку, а папа начал кричать, велел показать ему книги и начал бегать за мной. Он нашёл обрывки записки и собрал часть –“будут неприятности”… стал кричать, что пойдёт к директору гимназии и расскажет, чем занимаются его ученики. Я же быстро взяла книги и отнесла другому товарищу, а потом, конечно, читала эти книги, но чтобы папа уже не знал. Отец же, конечно, никуда не поехал и никому не сказал. А вскоре пришла Советская Власть и прятаться уже не надо было.
Смотрите Листы свидетельских показаний Яд Вашем о гибели ***Баси и Сары****, написанны* ***Хинкой*** *в 2005 году.*

Первое путешествие в Тирасполь в мае 1941

Когда пришли «советы» в Бессарабию (28 июня 1940) всем школьникам, как правило, отняли по два класса, потому, что мы не знали русский язык. Мы начали учить язык и большинство класса были переростки как и я, то есть мне было тогда 17 лет. Как водилось в Советском Союзе, мы начали соревноваться с другими школами нашего района. Так наш седьмой класс и выиграл экскурсию в город Тирасполь. И в середине мая (*1941*) мы с учителем молдавского языка Поголша поехали поездом в Тирасполь. Нас поселили в какой-то школе, в одном классе мальчиков, в другом – девочек. Постель была на полу, какие-то одела, подушечки, не очень чистые. Со мной была моя подруга Сара Гибрих, её бабушка жила в Тирасполе, которую она никогда не видела. Многие семьи были разделены правым и левым берегами Днестра. *(Румыния на правом берегу и Советский Союз на левом.)* Я и ещё две девочки пошли с ней к её бабушке. Можете представить какая это была встреча. Сара осталась там ночевать, а мы пошли по центральной улице Покровской в поисках чего-то покушать. Вдруг смотрим за нами прицепились три мальчика, и нам говорят: « Бессарабочки, остановитесь, мы хотим с вами познакомиться.» Мы конечно не остановились, а наоборот прибавили шагу, а те идут за нами. Так мы и дошли до школы, где ночевали. Легли голодные спать, а через час все начали чесаться. Зажгли свет и увидели подушки осыпаны клопами. Мы начали с ними справляться, но спать после этого никто уже не мог. Под утро задремали и когда проснулись пошли к учителю и всё расскали. У ребят видимо было получше, или они оказались менее чуствительными.

Утром нас повезли в педагогический институт, потом на консервный завод имени 1-го Мая. После этого, мы где-то пообедали и вечером уехали поездом домой. Вот так прошла наша первая встреча с Тирасполем. Никто тогда не подозревал, что очень скоро (в июле) мы будем опять в Тирасполе, но уже как эвакуированные. *(22 июня 1941 началась война).*

Эвакуация

8 июля 1941 года в Каушанах началась эвакуация. Каждой семье дали подводу с лошадьми или волами. Каушанцам запретили ехать через Бендеры на Тирасполь, потому что боялись скопления народа на мосту через Днестр. Всем

велели ехать на Яловены, а оттуда переправляться на понтонных мостах через Днестр. У моей тети-мачехи была дочь Клара – ты наверное помнишь. Так Клара работала в Кишинёве и к тому времени уехала в Тирасполь, поэтому тётя сказала – мы едем только в Тирасполь. Итак, на двух подводах - мы и золовка тёти поехали через Бендеры на Тирасполь. Мы то были на лошадях, а вторая подвода - на волах. Дорога была забита военными и эвакуированными и, недоезжая Бендер, мы остановились ожидать вторую подводу. Утром подъехали к мосту, и там никого не было. Мы спокойно переехали Днестр и оказались в Парканах. А в 9 часов были в Тирасполе у тётиной заловки. Там жил брат, которого она не видела 22 года. Они нас очень хорошо приняли. После обеда пошли искать Клару, но никакого адреса у нас не было. Мы знали, что по вечерам люди ходили гулять по главной улице, даже в такое время, ну мы её там и встретили и взяли с собой.

В Тирасполе мы пробыли пять дней, и когда немцы (+румыны) приблизились к городу, мы поехали на вокзал. Это было 15 июля и на вокзал прибыл последний пассажирский поезд из Кишинёва. Туда мы, конечно, не попали, всё было переполнено, а у нас ведь было много багажа. К вечеру прибыл товарный поезд и мы погрузились в вагон с какими-то чанами и до утра доехали до Одессы. В Одессе остановились в порту, то есть перекочевали в другой товарный вагон и просидели там 5 дней. Нас там кормили очень хорошо, 3 раза в день бесплатно и ещё давали пропуска чтобы ходить в город, что мы и делали по очереди. 21 июля бомбили Одессу в первый раз. Мы, конечно, очень испугались и в тот же вечер наш поезд уехал и мы двинулись в глубь Украины.

Так мы доехали до города Сталино (после назывался Донецк), где нас окружила милиция и велели сойти с вагонов, чтобы помочь убирать урожай. Так мы очутились в колхозе в 35 км от железной дороги. Нас приютила одна колхозница и мы принялись работать в поле. Кушать же было вдоволь. Там мы пробыли месяц с лишним и опять немцы приближались и мы должны были двигаться дальше. Председатель колхоза сказал нам, что у него нет подвод для нас. Тогда мой отец ему выдал: “Ты, конечно, можешь нас здесь оставить, чтобы нас убили немцы, но наши всё равно узнают и тебе не сдобровать”. Тот испугался и дал нам подводу с волами и мы всю ночь ехали до Сталино, а наутро опять попали в товарный вагон, который довёз нас до Краснодарского края, станция Ея. Там повторилась таже история – милиция сняла нас с поезда и отправила в колхоз, только на этот раз всего в двух километрах от вокзала. Там мы работали примерно до сентября-октября, точно не помню, и двинулись дальше, доехали до Сталинграда. Там уже был эвако-пункт, где сидели тысячи людей.

Нам вскоре дали баржу, чтобы переправиться через Волгу. С большим трудом мы сели на баржу и утром были уже на другой стороне в городе Владимир.

Люська, 1939 год

Туда подали целый эшелон с закрытыми товарными вагонами. Людей распределили по 50 человек в вагон. При подаче эщелона необходимо было захватить вагон, чего мы и сделали, но в нашем вагоне как видно перевозили рыбу и поэтому стояла вода на 20 см. Мы хотели перейти в другой, но все уже были заняты. Нам пришлось эту воду вычёрпывать, а это уже был ноябрь месяц, холодно. Я отморозила себе ноги, днём они замерзали и я не чуствовала так боли, а ночью мы укрывались и нам становилось тепло, но ноги в тепле зудели и я плакала, как ребёнок. В этих вагонах мы доехали до Андижана. Там всех распределили по колхозам. Я забыла сказать, что у тёти-мачехи был ещё мальчик Люська, пяти лет. Очень был красивый, но сразу заболел корью, а потом воспалением лёгких и в больнице, которая находилась от нас в восьми километрах, умер. Это был сильный удар для нас.

В начале 1942 года мы узнали адрес моего дедушки (Шлойме Спивак) и тёти Бети. Они жили в Джезгазгане, выслали нам вызов и мы продали всё, что у нас ещё было ценное и выехали к ним. В Джезгазгане мы жили до сентября 1945 года, но это уже другой "сипур" (рассказ).

Сначала папа (Лёва Спивак) поехал с нами в эвауацию, но когда мы приехали в Джезгазган его мобилизовали в трудовую армию. Он был недалеко от нас – возле Караганды. Там ему оперировали грыжу и отпустили домой на 3 месяца. У нас он устроился в заготзерно главным бухгалтером и с помощью его директора - казаха он больше в армию не пошёл. Этот казах потом говорил, что в военкомате тоже "кушать хотят". Мы после этого больше не голодали и папа проработал там до отъезда домой.

Жили мы в Джезгазгане на севере Карагандинской области. Я работала на почте на телеграфе, сутки на работе, двое дома. В Джезгазгане были вокруг лагеря, где содержались разные люди – от бандитов до артистов и "предателей" родины. Те, которые вели себя хорошо, имели пропуска и ходили на волю. Мы знали некоторых столяров, и инстолляторов, которые приходили к нам работать. У нас на почте было два входа – один центральный прямо в зал, другой рядом, на телеграф. На телеграф заходили сначала в маленький коридорчик, а потом к нам. Дверь к нам закрывалась на крючок, а первая дверь затыкалась веником. Один раз я дежурила и где-то поздно ночью слышу стук в дверь. Я долго не думая, открываю крючок и вижу на улице стоит мужчина и тянет дверь, а я тяну к себе. Он тянет на себя, а я к себе! Другие, что со мной работали говорят: "Нина, ты что с ума сошла? Открой, это ведь Молчанов с рудника." Я его, конечно, впустила и он стал меня отчитывать. Как я могла открыть дверь. Чтобы было, если бы я был один из "тех"? Он же был наш монтёр, приходил чинить линию обрыва. Вот так бывало, когда человек растеряется.

Я работала на почте, а Клара (дочка моей мачехи) на радиоузле. Мне понадобились туфли – совсем нечего было надеть. Деньги собрала – 1500 рублей и мы поехали в командировку в Караганду. Я должна была отметиться в Министерстве Связи и Клара тоже. Воскресенье утром мы вышли на «толчок», где можно было найти просто всё. Там торговали местные, эвакуированные и, конечно, воры. Вдруг мы заметили, что один парень следит за нами. Мы с Кларой говорили по румынски, чтобы другие нас не понимали. Клара мне говорит: "Держи хорошо деньги". Парень не отстаёт. Мы решили поехать сразу в

Министерство, в новый город. Ехать надо было на электричке, парень следует за нами. Он даже помогает нам забраться в вагон. Мы решили поменять вагон, парень идёт за нами. Дальше решаем больше не бегать,а сидеть и ждать, что будет. Мы уселись на скамейку, а парень напротив нас. Клара и говорит: "Если бы всё это случилось ночью, я бы с ума сошла!" Тут он и засмеялся и стало ясно, что он понимает по румынски… Он просто был одинокий, искал родных. Он провёл с нами целый день, показывал город. Потом мы его потеряли и никогда больше не видели… даже не знаю, как его звали.

Встреча 1944 года

Мы собрались у одной знакомой, звали Наина Векссер. У неё отец был немец, доцент Куйбышевского университета. Их выслали за то, что он немец, его в тайгу на лесозаготовки, а мать Надежда Ивановна, была русской, её выслали в Джезгазган. Наина работала в банке, а мать - комендантом в гостинице. Это была трёхкомнатная квартира; две комнаты для гостей, в третьей жили они. Так вот: нас было 5-6 девушек. Собрали всё, что могли из съестного и решили встретить Новый год. Среди нас была женщина из Москвы, о судьбе которой надо сказать пару слов. Её звали Галина Ходосова, мужа арестовали в 37 году и она больше о нём ничего не слышала. Её арестовали тоже и дали 5 лет, как жене "врага народа". Она сидела в Петропавловске Казахстанском. Там сдружилась с одним одесситом по фамилии Кижнер и имела от него дочь. Кижнер имел 25 лет, но заменили отправкой в штрафной батальон. Там он совершил какой-то подвиг, был ранен и отправлен в Москву. Он послал ей деньги и вскоре вызов в Москву и она уехала. Вот такая судьба человека. Галина работала у нас бухгалтером, она была очень интересная женщина.

Вернёмся к встрече Нового года. У нас был патефон и пластинки и мы танцевали и дурачились – одни "бабы". Вдруг в 2 часа ночи звонок, приехал один командировочный кореец, маленький, щупленький и после того как Надежда Ивановна устроила корейца в "гостинице" она попросила его с нами погулять. Он согласился и началось лишь веселье. Он танцевал очень хорошо со всеми женщинами подряд, рассказывал нам про свою страну, и так мы провели время до 6 часов утра. Так "одна пара брюк" изменила всё наше веселье и мы все были очень довольны, а для того времени это было не так уж и мало.

О бабушке Шейве и дедушке Шлойме, родителях моего отца и немного о моих других бабушке и дедушке

Дед мой Шлойме был мелкий комерсант, то есть денег у него не было. У нас в Каушанах базар был по вторникам и чтобы купить зерно у крестьян нужны были деньги. Эти деньги дед брал у богатых коммерсантов под проценты на один день. Он покупал зерно по одной цене и продавал чуть дороже, этим и зарабатывал на жизнь. На привозе было много конкурентов, и каждый тянул этих крестьян к себе – они между собой были злейшими врагами. Так вот и жили. Бабушка Шейва была домохозяйкой, пекла хлеб, следила за домом. Жили они в собственном доме, у них были три комнаты и кухня. Это дед и баба со стороны отца. Со стороны

матери я мало, что помню. Дед Хаим занимался скотом, покупал и продовал. Умер он в Галацах, его жена-моя бабушка Голда и её мать – Шейва Срулевич переехали к нам в Каушаны. Бабушка умерла в 1937, а её мать Шейва в 1941 году в возрасте 104 лет.

Хотела написать о моей бабушке Шейве и дедушке Шлойме, какой у них был конец. Это грусная история… Мы жили все в Джезгазгане, Карагандинской области. Дед с бабой жили у моей тёти Бети, она была с Фанечкой, а дядя Литман был на фронте. В Джезгазгане не было базара, ничего там не росло – поэтому жили только на карточках. Это было даже не «проголодь», а настоящий голод. Тётя Бетя была как доска худая, никакой груди у неё не было. Старики тоже всегда были голодны. Мы ничем не могли помочь – были в таком же положении. Дядя Литман был ранен и должен был приехать домой из госпиталя, Тётя Бетя просила его привезти продукты, (у него были деньги) и больше ничего не надо. Я с тётей Бетей пошли на вокзал его встречать. Дядя Литман был на костылях и в каждой руке держал по рюкзаку и ещё один на спине. Как он дотащился я не знаю.

Он привёз много продуктов, и, так как мы не знали как нужно было кормить деда и бабу, они начали кушать много… и не могли остановиться, и через три дня дед уже не мог кушать...

Литман, Бетя и Фаня Ройтштейн
1944, Джезгазгане, Карагандинской обл.

Тётя Бетя плакала и говорила: “кушай, ведь уже есть что”, так он отвечал, что уже поздно, не идёт. Через пару дней дед умер, и на второй день после похорон бабушка Шейва умерла. Они были пара, как видно от Бога, и умерли один за другим. Так они остались лежать в далёком Джезгазгане.

Узбекская свадьба

Это было в 1942 году, мы жили тогда в колхозе Туркобат, Ленинского района, Андижанской области. Местные жители - узбеки относились к нам неплохо. Многие спрашивали нас: «Вы евреи?» И вот один раз нас пригласили на местную свадьбу. С нами в кибитке (местном домике) жила ещё Гитл Гарштейн с дочькой Леной, которой был один годик. *(Помнишь, мы с Дэвикой были у неё в гостях на Лонг Айленд, около Нью Йорка? Хинка Коган. Гитл Гарштейн с семьёй можно найти в альбоме Меира Когана.)* Так вот мы все пошли на эту свадьбу. Невеста сидела отдельно на подушках и коврах, окружённая подружками. Нас посадили на ковёр вокруг низкого стола на котором лежали лепёшки и разные фрукты. Мы конечно всё съели и ждали, что будет дальше. Одна женщина убрала всё со стола и пришла с маленькой миской и кувшином воды, встала ногами на стол и предложила нам помыть руки. После этого появился большой поднос с пловом и нас позвали дальше кушать *(видимо за другой стол)*. Тогда Гитл встаёт и

говорит той женщине по еврейски «мы не кушаем руками, принеси нам ложки и вилки». Мы начали смеяться: «Почему ты с ней говоришь по еврейски?» В ответ Гитл сказала, что та по русский тоже не понимает. Женщина догадалась и принесла нам ложки и вилки. Мы конечно всегда хотели кушать и ели этот плов с удовольствием, он был вкусный, да ещё с мясом. Мужчины сидели отдельно. Через некоторое время невесту посадили в большую корзину в которой было её приданное: подушки, одеяла, ковры и ещё разные вещи. Это всё подняли и понесли к мужу. Там свадьба продолжалась, но мы туда уже не пошли.

Как встретили День Победы

В 1945 году я и Клара работали на радиоузле. Так 9-го утром улица была полна народу, правда я уже знала с вечера 8-го мая – передала по радиосвязи девушка из Караганды. Итак надо было приготовить что-то для празднования. Мы решили сделать «наполеон», но яиц то не было. Был правда яичный порошок. Мы сделали коржи, а для крема взяли этот порошок, смешали с молоком и всем остальным и заварили прекрасный крем. Так что у нас получился прекрасный Наполеон и я впервые выпила немного водки и гуляли конечно до утра.

Война закончилась – едем домой.

Закончилась война – а как доехать до дома, когда денег нет? Деньги нужно было как-то добыть. И, скорее всего "нечестным путём". Мы может и хотели "честным" путём, но это было невозможно. У нас давали по карточкам чай, по 50 грамм на человека, да чай то был американский. Чай распакован в пакеты по ½ кило и стоил недорого. Заведующий складом продавал "налево" по 250 рублей за пачку, а в Караганде за то же самое можно было взять 800-1000 рублей. И вот мой отец одолжил деньги у своего брата Яши, купил у кладовщика 30 пачек и поехал в Караганду со своей женой, тётей Хоной. На второй день они вышли на базар, у папы 3 пачки и у тёти тоже, они разделились и стояли недалеко друг от друга. К папе тут-же подошёл милиционер и забрал папу в отделение милиции. Начальник допрашивал отца: "…откуда у вас так много чая?" и он отвечал, что у нас четыре работника и за два года мы это собрали и сейчас нам надо купить валенки на зиму и дальше в том же духе. Также сказад, что работает главным бухгалтером "Заготзерно" и можно позвонить в управление и проверить. Тётя в это время поехала на квартиру, где они жили, и спрятала остальные пачки. Начальник милиции не знал, что делать с отцом. Отец же ему говорит: "Вам тоже нужен чай, так возьмите пакет и отпустите меня." Тот подумал и так и сделал. Дальше этот весь чай они продали, но не на базаре, а у спекулянта-перекупчика по 800 рублей за пачку. Конечно "навар" был тоже не маленький. Накупили всяких нужных вещей и поехали домой. Отец ещё купил водки, которая продавалась по 500 рублей за пол литра. Но водка была не в бутылках, а в двух бидонах, не плотно закупоренных. Так эта водка издавала сильный запах в поезде, кто-то донёс и папу опять забрали не доезжая до Джезгазгана. Но там тоже был начальник, который был не прочь выпить… так закончилось и это приключение с милицией. Так мы и доехали

домой с этими “нечестными деньгами”. Один раз в жизни мой отец сделал такую “операцию”, и всё хорошо закончилось.

Ещё о дяде Изе и о моём отце

Как ты знаешь, наша моя мама умерла очень молодая в возрасте 44 года и мы остались одни с папой. Через год наш папа женился на жене бывшего хозяина магазина в Каушанах. Началась война и мы эвакуировались все вместе. Изя сначала учился, а потом стал работать на военном заводе. Ему там было очень трудно – по 12 часов работать и он устроился мастером на радиоузле. В сентябре мы вернулись в Кишинёв. Год прожили в Тирасполе, потом я вышла замуж и уехала в Кишинёв. Отец уехал в Измаил, потому что дочь его жены вышла там замуж.

Папа проработал бухгалтером в лесоторговом складе до смерти. Умер он 31 марта 1964 года. Болел он год. Я и Изя ехали в Москву с отцом в онкологический диспансер, но это, увы, не помогло.

Изя после войны начал учиться в автодорожном техникуме в Кишинёве. Отец не мог ему помочь, и Изя приходил ко мне обедать каждый день. Ему было трудно учиться, он жил в проголодь и решил уехать к отцу в Измаил. Он работал там счетоводом и в 18 лет ушёл в армию. Попал там в офицерское училище в Черновцах и прозанимался там три года. Окончил училище в 1953 году и женился на Нэлле. Его оставили на некоторое время в Черновцах, а дальше был Каменец-Подольск, потом заполярье - Печенга, Мурманской области. Там родилась Алла, а в 1965 году Изю перевели в Хмельницкий, где в 1966 году случилось с ним это чп. Я фактически до сих пор не знаю, что произошло. Если ты помнишь, мы с тобой возвращались из Трусковцов и заехали в Хмельницкий и нашли Изю в госпитале. Он был в гипсе и как видно у него были сильные боли в плече и он всё время плакал. Так он остался инвалидом с больной рукой, и пальцы плохо сгибаются. Из армии он, конечно, ушёл, долго потом лечился, но мало что помогло. После демобилизации он окончил торговый техникум и стал работать на лесоторговом складе. Вышел на пенсию в 1988. Теперь ему исполняется 70 лет – 9 мая (1998) и он подумывает справить юбилей в Израиле. Посмотрим, как получиться. Вот и вся краткая биография моего брата Изи.

(Фима: Мы прекрасно отпраздновали мамин юбилей (75 лет) 4 мая в Цур-Шаломе, а потом и дяди Изи 70 лет в Натании.)

Одна послевоенная встреча

Хочу описать как я «познакомилась» после войны с Вовой Пистоль, мужем Мальвины. *(Мальвина (Маня) – добрая, обоятельная женщина, интересный рассказчик, энергичный человек, огромный помощник для мамы, отличный собеседник. Фима К.)*

Мальвина Пистоль

Вова был школьным товарищем моего брата Изи, им до войны было по 12-13 лет. Сразу после войны мы жили в Кишинёве у племянницы тёти Хоны, жены моего отца. В тот день я стояла и гладила бельё и вдруг в дверях появляется молодой красивый человек выше среднего роста, прилично одетый. Я его спрашиваю: « Вам кого?» А он отвечает: «Вас.» Я растерялась и говорю: « А я Вас не знаю.» Тогда он продолжает: «Так давайте познакомимся» и направляется ко мне. Между нами было расстояние 5-6 шагов. По мере приближения, я начала его узнавать, и кричу: «Вовка!» Как же он и наверное все мы изменились за эти 4-5 военных лет.

Как я познакомилась с Бумой и как у нас завязался роман

Я знала папу (Буму), когда была ещё в первом классе гимназии, и мне было 11 лет, а папа был во втором классе. Хотя мы одногодки, но папа пошёл учиться с шести лет, а я с семи. Потом с третьего класса мы были в одной компании. Папа был стеснительный, худой, длинный мальчик. Учился он очень хорошо. После окончании четырёх классов гимназии в Каушанах он поехал в Бендеры, где поступил в коммерческую гимназию, и закончил её в 1939 с первой премией – семь книг от короля Румынии Карла II. Я не могла поехать учиться, так мои родители не могли меня содержать в другом городе, а пошла учиться шить у одной женщины, но вскоре прервала, потому что пришло 28 июня 1940 года и нас “освободили” советы.

При Советской власти (с июня 1940 – июнь 1941) папа работал учителем в деревне, недалеко от Каушан, а я училась в Каушанах в 7 классе, так как всем сняли по два класса – мы не знали русский язык. Когда началась война, нашу школу забрали военные, и мы туда ходили дежурить. Мы все эвакуировались – кто куда, и я долго ничего не знала про папу.

Вообще-то папе в то время нравилась другая девочка, а мне другой мальчик. Но во время войны они погибли.

Где-то в 1943 году кто-то из родственников Коганов прислал мне папин адрес и мы начали переписываться. Я с семьёй приехали из эвакуации 17 сентября 1945 года, а папа ровно через месяц. Моему отцу предложили работу в Тирасполе и мы туда уехали. Я тоже стала работать и иногда заезжала в Кишинёв к тёте Бете. Когда бывала в Кишинёве, то ходила к папе и вместе гуляли, ходили в театр, кино, на танцы, ещё с другими ребятами из нашей компании. Потом папа стал заезжать в Тирасполь по выходным. Наша бабушка Элька (папина мать) меня очень хотела для своего сына и говорила: “ Бума, ты езжай в Тирасполь, а то ребята начнут приезжать и Нина выскочит замуж.” Так мы и поженились, и я уехала в Кишинёв. Я желаю чтобы мои дети жили так счастливо, как я вашим отцом.

Мой отец с женой уехали в Измаил, ибо её дочь имела парня из Измаила. Папа твой был хорошим мужем, хорошим отцом и сыном. С бабушкой Элькой я тоже была знакома. Жили мы с ней неплохо., хотя она была с характером, но жить хотела только со мной. Муж её Меир погиб в 1944 году в шахте в Осинники Кемеровской области.

Свадьба

Свадьба у нас была 22 декабря 1946 года. Это было в воскресенье. Мы утром расписались в ЗАГСе по Армянской улице угол 25 Октября без никаких свидетелей. Нас расписала женщина, между прочим, тоже из Каушан. Потом мы с

Свадебное фото. 1946

Хинка Коган (Спивак) и Бума Коган

папой пошли на базар, на “толчок” – это было на Армянской угол Ленина у входа на базар. Папа купил мне там сапоги с калошами. У меня не было обуви и это был для меня большой подарок, и, кстати, в ту зиму были сильные морозы. Я была очень счастлива - “очень богатая невеста” - моё приданное был один чемодан и подушка с одеялом. Вечером была хупа – у нас во дворе на Кагульской. Хупу проводил равин Эпельбаум, кетуба к сожалению впоследствии пропала. Были моя тётя Бетя с мужем Литманом, дядя Борис с женой Эстер, и сестра бабушки Эльки Очаковская Лейка с мужем Рувином, Ефим с Дорой Очаковские и Роза Коган. Ещё был на свадьбе Изя – он тогда учился в автодорожном техникуме.

Моя тётя Бетя приготовила баклаву, лейкэх и печенье, а мы сделали торт Наполеон… и вот случилось так, что я купила два литра молока для Наполеона сбивать крем и молоко… свернулось! Но я всё сделала до конца, положила масло и намазала коржи и представь себе никто ни чего не почуствовал – съели за милую душу. После этого угощения папа поставил на стол на орехи с вином. И это была вся свадьба. Музыка у нас была – патефон, даже не наш, а тёти Мары (папина сестра).

После того как все гости ушли бабушка Элька подала "дэ голдэнэ юх" – золотой бульон и мы поужинали. С нами остались Роза Коган и Изя. Через неделю я приготовила печенье и вино и мы пригласили своих друзей и тогда мы танцевали под патефон.

Кровать у нас была из матраца и доски на двух козлах, а через неделю мой дядя Борис купил нам тахту, то есть диван, а папа заказал шкаф у себя на фабрике. Так мы начали нашу семейную жизнь, мы были счастливы и довольствовались тем, что имели.

Потом со временем у нас всё было, а самое главное счастливая жизнь с папой. Я не помню, чтобы мы ссорились или громкого слова от него. Только жаль, что он так рано ушёл от нас, особенно от меня, когда он очень был мне нужен на старости лет. Наверное так суждено…

Дети

…Я вскоре забеременела Мироном и примерно в начале 9-го месяца начались преждевременные роды. Меня взяли в роддом, и Бумка приходил ко мне сразу после работы. В один день, я ему говорю: принеси мне свечи, ибо у нас не было света, и я боюсь темноты. Он принёс и той ночью я начала рожать. Когда меня взяли на стол, как-будто мне Бог помог – зажёгся свет! Принимала роды одна молодая акушерка, тоже Нина. Всё прошло хорошо, хотя я очень боялась. Это было 18 ноября 1947 года. Мирон родился маленький, и Буме велели принести два кило ваты, чтобы ребёнка кутать. Когда я пошла домой, велели ещё кутать две недели. У нас же было очень жарко от этой железной печурки (см. Кагульская). У Мирона появилась сыпь по всему телу. Врач пришёл домой, и говорит: "Что у вас баня тут?" Велел немедленно снять вату, дал лекарство и всё прошло. Дальше Мирон стал хорошо поправляться, у меня ведь было отличное молоко.

"Брис-брит милу" Мирону сделали только 3 января 1948 года – у тёте Жени Фукс в комнате, потому что там было светлее.

Ты же родился, как знаешь, 6 июля 1953. Правда меня уговаривали сделать аборт, ибо положение евреев в то время было очень шаткое – говорили о выселении евреев. Папа не разрешил и, Слава Богу, родился ты. Твоё обрезание тоже было где-то 6-ти недель от рождения.

Про мою тётю Бетю

Вспоминаю по Каушанам – тётя Бетя была высокая модная барышня по тому времени. Как я уже писала у нас были люди, которые занимались

нелегальными делами и вот тётя Бетя тоже была в одной такой группе. Они собирали деньги для политических заключённых, которые сидели по тюрьмам. Для этого устраивали лотереи, и составляли списки людей кто давал деньги на эти нужды и, конечно, Бетя всегда была в этих списках и давала деньги. Ещё она была белошвейка, то есть шила рубахи для мужчин, кальсоны, постельное бельё. Среди её клиентов был один из жандармерии, постояно шил у неё и уважал её. Я не помню каким путём, но полиция нашла эти списки и вот в один день была назначена облава на этих молодых людей. Так вот этот знакомый жандарм пришёл к тёте Бете и сказал: «Барышня, было-бы хорошо, если вы сегодня не будете ночевать дома». Она, конечно, испугалась, спала в нашем доме во дворе на чердаке. В тот день были арестованы несколько человек, а тётя Бетя только испугалась. Она была боевая, много работала, шила и ещё помогала бабушке Шейве по дому.

Кагульская 35

Квартира у нас была маленькая – одна комната и маленький коридорчик, который служил и кухней. Комната имела 13 кв.м., отопление – железная печурка. Когда её топили, было очень жарко, а переставали топить, то сразу становилось холодно. Через год после рождения Мирона мы поставили плиту с духовкой, так что у нас уже была нормальная температура.

Я вспоминаю как я на Кагульской первый раз делала большой праздник. Это было на ноябрьские в 1960 году. Пока у нас была одна комната мы не могли приглашать гостей, но в 1960 году мы пристроили 2 комнаты: одна 15 кв.м., другая 9. А та которая у нас была, стала тёмной, но мы сделали там дневной свет. Так что мы уже "разбогатели" с тремя комнатами только без удобств - была только вода и канализация.

Во дворе Кагульской 35, Кишинёв
Элька Коган и **Хинка Коган**

Стоят на пороге квартиры бабушки Эльки, видны её вышитые занавески на окнах. Справа вход в подвал.

Начало 60х годов.

И вот мы решили собрать друзей и близких родственников. Это было 6 ноября 60г. Столы стояли в двух комнатах. Что было на столах ты, наверное, немного помнишь. Один из наших друзей стоял и принимал гостей и,

Стоят справа **Рая Пистоль** с мужем, **Бума Коган**, , **Лёня Тисменецкий**, **Нюма Коган**
Сидят слева **Мара Коган (Очаковская**), **Хинка Коган**, **Петя Блитштейн**

6 ноября 1960

при появлении кого-то нового, все восклицали: "Ооо!! Как в кино!" Ребята говорили, что я первая догадалась собрать наших друзей вместе. Было очень много фотографий и память на всю жизнь. Правда, сейчас многих из нас уже нет, но те кто остались, держат какую-то связь. Потом мы много раз встречались, но первый раз не забывается.

Ещё о Кагульской и о Фуксах и Раковерах

Ты хочешь знать про тётю Женю *(Фукс)***,** так вот её я знала очень давно. У неё была тётя в Каушанах, а Женя жила в Бендерах и она часто приезжала в Каушаны в гости. Она дружила с Марой Земельман и её сестрой Хайкой. Женя была красивая: чёрненькая, очень симпатичная девушка. После войны я её встретила на Кагульской и познакомилась с её мужем Люсей. Про него я мало, что знала – помню только, что Люсина мать была в родстве с нашей бабушкой Элькой. Про нашу жизнь на Кагульской ты, наверное, кое-что помнишь. Мы жили очень дружно. Что я пекла – я заносила к ней, что она – приносила к нам. Когда мы переехали на Христо Ботева, тётя Женя приходила к нам купаться. Да - твой “брис” – Брит Мила- проходил у тёти Жени в квартире. У нас было темно, у них светлее. Мы всегда друг другу помогали, особенно когда дети были маленькими. Я никогда не забуду нашу поездку в Ротчестер и встречу со всеми Фуксами и Раковерами в 1992 году. Вот, что я могу написать про тётю Женю… хотелось бы знать, как Люся? *(Фима: Люся умер 8 декабря 2004 и я был на его похоронах.)*

Слева направо:
Борис Тейлор (Фукс) *(поменял фамилию)*, **Рая Тейлор**, **Люся Фукс**, **Женя Фукс**, **Клара и Шурик**
16 января 1971 года.
Кагульская 35
Перед квартирой Фуксов.

Ещё про папу – Буму Когана и его здоровье

Теперь я напишу, что ты хотел знать про папу. Когда он был мальчиком, то есть до войны, он был очень худой и высокий. Во время войны его взяли в трудовую армию, где, как видно, он тяжело работал и, естественно, кушал плохо и стал дистрофиком.. Поэтому его отпустили в отпуск на 6 месяцев. Наша бабушка, то есть папина мама – Элька, работала в детском садике и она быстро поставила папу на ноги. Естественно, во время эвакуации мы не виделись, но когда я его увидела первый раз после войны, то почти не узнала – он возмужал, поправился и был очень интересным молодым человеком. За время нашей совместной жизни он почти не болел. Что-то у него было с почками, но быстро прошло. Потом в 1962 году он упал и сломал ногу и был в гипсе 4 месяца, но ездил на работу – за ним приезжала машина и на костылях он ходил, а на ногах носил специальные боты – «прощай молодость» - так их тут называли. Диабет Бума получил после смерти Меира - отца Сало – в то время бабушка Элька было больна и пришлось от неё скрывать смерть её брата Меира... Папа принимал диабетические таблетки, и когда уехал Мирон в конце 1980 года у него случился инфаркт, он лежал в больнице три недели, потом в санатории в Ваду-луй-Воды месяц и после этого не работал ещё два месяца. Диабет проходил у него не сложно. Когды мы приехали в Израиль у него с сердцем стало неважно – был несколько раз в больницах и его перевели на инсулин, но никак не могли установить дозу – иногда сахар поднимался, или, наоборот, падал. Дальше появилась жидкость в животе и всё – больше уже ничего нельзя было делать...

Пиня Гриберг – родственник со стороны Эльки Коган

Ты меня спрашиваешь про Пиню Гринберга – так это родственник со стороны моей свекрови (в каком он родстве, так и не удалось пока узнать - ФК). Он был очень интересный человек со сложной судьбой. Итак он был адвакатом и жил в Бендерах с женой и тремя детьми – двое сыновей и дочь. При румынах он был секретарём какой-то правой партии, и когда пришла Советская власть, кто-то его выдал – и Пиня даже знал кто – и его арестовали, а жену и детей выслали в Семипалатинск, где Элька одно время жила во время войны. (Видимо, семью выслали уже во время войны). Так Элька их встретила, и жена и дети всё время жили очень тяжело и ничего о Пине не знали. Ему дали 10 лет, но время волнений в тюрьме – на него наговорили, что он подымает заключённых против Советской власти и ему дали вторые 10. Он отсидел 10+2, ему сняли 8 лет и освободили из тюрьмы после смерти Сталина. В то время он заболел воспалением лёгких и за ним ухаживала одна медсестра из Эстонии. Она его выходила, и они стали жить вместе, она забеременела, да ведь она тоже была заключённая. Её реабилитировали полностью, а Пиню выслали в Красноярский край. И вот она отказывается ехать домой и остаётся с ним в Красноярском крае. Каким то образом Пиня узнал наш адрес и мы начали переписываться. Мы также выслали им несколько посылок с продуктами. Вскоре его реабилитировали полностью (видимо, в начале 60-х) и они вчетвером – у них уже было двое детей – приезжают жить обратно в Бендеры. Пине разрешили работать адвокатом по арбитражу, но запретили защищать людей. С первой женой они встретились, дети его признали и

они иногда встречались. В каком году Пиня умер я не помню и что стало с его детьми не знаю. Мы часто слушали его рассказы ночи напролёт, и как адвокат, прошедший многие «университеты» он умел говорить очень красиво. Вот такая судьба Пини Гринберга.

Со стороны Эльки Коган

Со стороны Эльки Коган помню её племянницу Мару Земельман (Коган) и её мужа Аврума – большой шутник был. В его присутствии нельзя было спокойно сидеть или есть за столом – все буквально всё время смеялись. Он говорил " Я это делаю специально, чтобы вы не могли кушать, чтобы мне больше досталось. Он умер в Хулоне, где живут его жена, дети и внуки.

Про твоё рождение

Тогда было тяжёлое время *(1953 год)*. Говорили, что евреев будут выселять в Биробиджан, но это были пока слухи. Правда евреев не принимали на работу, некоторых увольняли, особенно врачей… И так было до смерти Сталина *(5 марта 1953)*, а потом всё стало на свои места. Когда я была где-то на 6-ом месяце беременности, то начался футбольный сезон в Кишинёве. Папа был ярый болельщик, я тоже, и мы пошли на матч. Народу было уйма, и когда мы пришли к стадиону, вороты уже были закрыты, видимо, все билеты уже продали. Собралась огромная толпа желающих. Мы уже было хотели выбраться, но не могли. Папа расставил локти и меня прикрывал от толпы. Ворота открыли и нас людской волной втолкнули на стадион. Всё, правда, обошлось благополучно, но бабушка Элька нас очень сильно ругала – как можно в таком состоянии идти на футбол?! Родился ты, как знаешь, 6 июля -был маленький, но хорошо поправлялся – у меня было отличное молоко. Между прочим я кормила тебя грудью до 1 года и 3х месяцев – у нас *(на Кагульской 35)* был капитальный ремонт и мы жили в сарае, я папа и ты. Мирон с бабушкой Элькой спали у тёти Мары. В сарае было жарко и летало много мух и ты заболел поносом *(видимо, было что-то серьёзное)*. Врач сказал, что тебя спасло только то, что я тебя не отлучила от груди. Вот ещё один "сипур" *(это мама пишет на иврите- значит рассказ)*, который ты не знал.

Поездка в Евпаторию

Мы все вместе с бабушкой Элькой сделали первую вылазку на курорт, к морю. Летели мы до Симферополя, а оттуда на такси до Евпатории. По дороге тебя сильно укачало, и ты "доехал до Риги"… В Евпатории мы нашли комнату большую на всех нас и начали ходить загорать и купаться. Прошло несколько дней и Мирон заболел с большой температурой. Я не знала, что делать. Наша хозяйка была медсестра и она начала делать уколы пенициллина. На другой день я нашла врача и на такси привезла его к нам. Он Мирона выслушал и заподозрил не больше не меньше чем - ТИФ. Он дал направление в лабораторию, чтобы сделать анализы. Я пошла в какой-то санаторий и со слезами на глазах упросила лаборантку поехать со мной и сделать анализы… та согласилась, сделала анализы и очень скоро с

радостью сообщила, что нет никакого тифа. Велела продолжить пенициллин. Мирон, конечно, уже больше не купался, сильно похудел. Мы ходили на море по очереди. Кто-то оставался с Мироном. Мы должны были уехать из Евпатории на пароходе Грузия 5-го сентября, а четвёртого сентября папа с тобой пошли купаться. Когла пришли, папа сказал, кажется, Фимка заболел. Измерили температуру и было 38.5, а утром надо ехать. Постановили - больше температуру не мерить. Отплыли на пароходе, был отличный день. Дети купались в бассейне *(Фима: вот это да, с температурой…,!)* и хорошо провели время. В Одессе мы ночевали у родных Б.А. Розенфельда, папиного зам.директора, а утром на поезде уехали домой. Так закончилось наша первая вылазка к морю.

Проблема где встречать Нового Года

Этот рассказ про Новый Год, не помню какой (скорее всего в начале 60х). Настал день 31 декабря и у нас два приглашения. Одно к папе в столовую, где всегда проходило очень весело и хорошо. И другое к папиному другу Перельману, у которого ещё и новоселье. Я и бабушка Элька занялись готовкой и делами по дому, а папа пошёл в столовую посмотреть как там дела перед Новым Годом. День был холодный, мокрый, скользко на улицах. Так вот, где-то ка Кожухарской улице недалеко от магазинчика, где мы обычно хлеб покупали, папа неудачно упал и получил трёх-лодыжный перелом ноги. Он попросил одного человека подойти к нам на Кагульскую и сообщить нам, а самого увезла скорая помощь в больницу. Я помню, как заходит Хона (соседка) с человеком, который передаёт нам это «писирэ». Бабушка хватается за сердце, а я говорю быстро: «капли там, Мирон идём со мной», и мы побежали в больницу. Папа уже лежал под ренгеном и говорит: «Нина, я за минуту решил проблему встречи Нового Года.» Ему поставили гипс на 4 месяца. Первый месяц он был дома, а дальше за ним утром приезжала машина и отвозила его на работу, и вечером привозила домой. На ноги он одевал огромные боты, которые мы называли «прощай молодость». Так вот мы провели тот Новый Год, когда сначала не могли выбрать куда пойти гулять. Со временем папа стал ездить на грязевые ванны и всё с ногой прошло.

О вкусных вещах и другой еде

Я помню калачики пекла моя бабушка Шейва. Она каждый четверг пекла хлеб и обязательно детям делала калачики. У них была большая русская печь и Шейва одновременно с хлебом могла печь и очень вкусные печенья. После этого ставили воду для купания в большой оцинкованной ванне. Я также помню обычную еду: бульон, жаркое, котлеты, рыбу фаршированную на субботу и праздники. Ещё бабушка изредка готовила мамалыгу – молдавскую еду; кукурузную кашу с маслом, поджарками, творогом, молоком.

Из сладостей у нас были баклава и флудн, которые я впоследствии тоже делала и присылала в Москву на праздник Пурим.

Мои дед и баба жили довольно бедно и, когда не было мяса, делали “ленивое” жаркое, то есть жарился лук, как на настоящее жаркое, добавлялись картошка и заправлялось всё чесноком… и был отличный обед.

О еде

Теперь ответ на твой второй вопрос, что я помню о еде с детства. Во первых «юх», то есть бульон с фасолью, а в субботу без фасоли. Потом «а росл» - жаркое и конечно ещё котлеты и тефтели. Ещё бабушка делала вареники с картошкой и твором и «бейгалах» с творогом и рисом – это уже печенье. Также бабушка пекла хлеб и нам калачики. О, забыла о фаршированной рыбе, которая была на Шабат и праздники

Несколько рецептов из писем

Сметанник – *самый вкусный торт я когда-либо ел*

Коржи: 4 яйца, 4 ложки подсолнечного масла, 4 ложки мёда, 4 ложки сахара, пол чайной ложки соды. Всё смешать, положить муку, чтобы получился комок. Делится на 4 части – 4 коржа, примерно 1/2 см толщиной. Печь на левой стороне противня, намазать предварительно подсолнечным маслом. Руками растянуть по форме противня и после потыкать вилкой. В духовке – пока не станет чуть коричневым (румянным).

Крем: 4 баночки сметаны, 200 гр. орехов размолотых, стакан сахара и 2 ложки какао. Всё размешать и намазать на коржи. На последний верхний корж можно на крем натереть шоколад.

Торт из мекады (покупные вафельные коржи)

Крем: 2 банки сгущённого молока варить 2 часа, потом положить 200 г. молотых орехов, 200 г. сливочного масла. Намазать коржи (6 штук), и сверху натереть шоколад.

Наполеон – *вкусный торт, был любимым тортом Димы Тисменецкого. Он, кажется, мог съесть пол торта или больше. Фима*

Коржи: 3 стакана муки, 1 банка сметаны, 100 г. масла и 100 г. маргарина. ½ чайной ложки соды. Делаются 4 коржа. На противне потыкать коржи вилкой перед духовкой.

Крем: 4 яйца, стакан сахара, 3 ложки муки. Хорошо размешать. 1 ½ литра молока кипечённого и охлаждённого, льётся в эту массу и мешается. Поставить на небольшой огонь и мешать всё время пока не заварится, то есть начинает кипеть. Снять с огня, положить 200 масла, (не маргарина). Намазать коржи осторожно – они очень хрупкие.

Хинка Коган (Спивак), Цур-Шалом, Израиль, 1994-2008

Есть ещё очень много событий из прошлого, о которых мне хочется узнать по подробней. Надеюсь, что наша переписка, где мама будет включать эпизоды из

жизни, или свои современные впечатления об Израиле, будет продолжаться многие и многие годы.

Фима Коган, 27 апреля 2003 год

Дополнения и фотографии, 2004, 2005, 2006, 2008 год
Ньютон, США

Исправлено в феврале 2008 года. Огромная благодарность за помощь в редактировании и исправлении многочисленных ошибок нашему прекрасному другу и учительнице **Римме Александровне Шугаевой**.

Copyright © 2008, Yefim Kogan